

Губы Вожака медленно растянулись, наконец он захохотал: «Это элементарно, Ватсон!» Вытер платком слёзы:

— Для сведения некоторых умственно нестабильных товарищей — это последнее китайское предупреждение.

Мне что, я всего лишь подносчик патронов, но быть изруганным вместе с Виктором Ивановичем было лестно.

Вскоре после этого Витя Патрикеев начал по одной выдавать карты скоростей, произнося при этом угрожающие слова, вроде:

— Вы, торопыги, идёте торной дорогой системных ошибок. После отчёта я займусь кардинальной корректировкой карт. Тогда-то мы войдём в образ и сделаем шлягер!

По привычке неудавшегося журналиста я вцепился в эти его слова: «войти в образ», «сделать шлягер». И вот что я узнал. В Пермь приехали на творческие встречи со зрителями Георгий Бурков, то есть Бурков, как его звали земляки, и Анатолий Солоницын — у Тарковского Сарториус в «Солярисе», Профессор в «Сталкере», Прохожий в «Зеркале» и, конечно, Андрей Рублёв. Одно время он играл в свердловской драме, и его тоже тянуло на Урал.

3

Встретились старые друзья, как обычно, в номере гостиницы «Урал». Вот реконструкция встречи.

Бурков проснулся после вчерашнего с приятной головной болью.

— Почему-то в номере нет графина, простого советского графина? Как жить без графина? Я просил у администратора: «Дьяволы, дайте графин!» А он одно твердит: «Перед вами проходил симпозиум прикладных математиков, они-то графин и разбили! А имущество казённое и никак не является расходным материалом! И унитаз раскокали!» Как раз напротив гостиницы, в универмаге «Пермь», я присмотрел графинчик с притёртой пробочкой за тройак. Я был не при деньгах. Профессор, не в службу, а в дружбу — купи и наполни. Следи, чтобы посуда всегда была наполнена. Ещё — пирожки с печёнкой и жареным луком продают воз-

ле «Старой книги», пройдёшь чуток от универмага к Каме по левой стороне. Нигде нет таких вкусных, таких сочных, таких горячих пирожков с субпродуктами — только у нас, в солнечной Перми.

— Патрик, вот ты спросил, как войти в образ? Наглядно покажу на примере. У нас в театре Станиславского поставили «Живой труп», и я там играл.

— Кого?

— Кого, кого? Конечно, Протасова, Федю Протасова. Все говорили — здорово играл! И я сам понимаю — хорошо играл! Как-то Олег Николаевич Ефремов под влиянием такой игры возжелал увидеть меня во МХАТе в этой роли. У них своя публика — истинные театралы! Готовы по 10 раз на один спектакль ходить. А тут — какой-то Бурков из какого-то задрипанного

НИКОЛАЕВ И ГРАЙФЕР, НИ ЖИВЫ НИ МЕРТВЫ, СЛУШАЛИ КОЛЛЕГУ — ВЕДЬ ГОД НА ДВОРЕ СТОЯЛ 1939-Й. СКАНДАЛ НА ЗАЩИТЕ БЫЛ ГРАНДИОЗНЫЙ

театра имени Станиславского. Важное дело! Я перед спектаклем обычно захожу в свою рюмочную — я там всех знаю, и меня там все знают, и что мне нужно, знают, смесь номер один — понимают. Бенц! Закрыто на учёт-переучёт. Что делать? В подворотне с какими-то жуткими деятелями раздавили пузырёк — и я пошёл играть. Чувствую — получилось. Меня приглашают на худсовет. Олег: «Ты в каком виде играл?» — «Так я кого играл? Я пьющего человека играл! Конечно, пришлось войти в образ. Искусство требует жертв». Это в прямом смысле сказано «жертв» — спиться можно. А не настроишься — сухая игра будет.

— А есть артисты непьющие?

Жора задумался.

— Не думаю. Может, и есть. А, знаю: Иван Лапиков.

— А Сергей Бондарчук?

— Его никто не мог перепить. Один режиссёр, киношник, перед съёмкой меня спрашивает: «Освежимся?» — распахивает пиджак, а там карманы нашиты слева и справа, в каждом — пазирок. Как говорил Эраст Гарин: «Как ни опохмеляйся, а к вечеру всё равно наберёшься». Забыл: Евгений Леонов всегда трезвый играет. Он как входит в образ? Перед спектаклем или перед съёмкой выпивает два стакана крепкого сладкого горячего чая с лимоном и с сухим печеньем «Мария».

Пришёл Солоницын.

— Толя! Ты настоящий друг и товарищ. За встречу, земляки!

— За встречу!

— Я волгарь.

— Толя, под одним солнцем портянки сушим.

— Жора, без меня.

— Патрик, прости. Я забыл, что ты абстинент.

— Какой он абстинент? — сказал Слава Звездин. — Как-то по весне поехали ко мне на дачу в Кривое. Соловьи поют! «Выпить хочешь? Вить, а Вить, Вить, а Вить! Выпьешь? Выпьешь? Выпьешь? Витёк, выпьем?» — «Выпью! Выпью! Выпью! А может чаем, может чаем?»

— Сейчас чаёк будет. Славка, ты на пироги-то не очень налегай. А то, я гляжу, ты стал стройный... как муравей. Токарь по металлу, по хлебу и по салу.

— Мы, геологи-романтики, едим часто, но помногу.

— А Патрик всё такой же тощий.

Витя расправил узкие плечи:

— Рассказать, как я проводил ответственный каротаж на Старцевской опорной скважине в Коми-Пермяцком национальном округе?

— Расскажи, расскажи, Витя!

Жора всегда был любознательным парнишкой. В Перми всё свободное время проводил в горьковской библиотеке. Заказывал кипу книг, бережно нёс её на столик, придерживая подбородком.

— Что такое ка-ро-таж? Объясни мне: представь, что я неграмотный и ничего не понимаю. Ни-че-го.

— По-французски морковь — это каротель. В скважину опускается зонд, и он как морковку извлекает из земли